

Камиль ЗИГАНШИН

Прозаик и путешественник, родился в 1950 году в посёлке Кандры Туймазинского района Башкирской АССР. Писать начал в середине 1980-х, используя материалы охотничих дневников, впечатления от путешествий и работы в геологических партиях. Член союза писателей России, лауреат многих литературных премий, заслуженный работник культуры РБ и РФ. Учредитель и председатель «Фонда поощрения граждан и организаций, занятых защитой диких животных Башкортостана».

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упершись сильными ногами в широкие сквежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на новеньком доме зятя.

С шумом распахнулась дверь, и из неё вывалились, похохливаясь, плотная, во всём похожая на отца, дочь Наталья и высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь, — выпалила она.

— Да, пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кинув на расплющеный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и неги Гнедко. Ласково похлопал его литой крупу. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на туго, прикрытый брезентом, мешок мук.

— Бывайте здоровы! Ждём в гости, — крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за щетинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

— А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком, — самодовольно улыбнулся он, поглядывая на бороду.

Дорога нырнула под гору и зияла по стиснутой увалами долине ручья. Саны на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожок, вытянулся и с удовольствием прикидал, как распорядится выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяи или простодыры», — говорил о таких. Вот и зять тоже хорош! Бурный мастер называется! Цемента не может подкинуть... Тоже мне — поряжочный! Тыфу! — сплюнул он.

Его размышления прервало ис-

пугнанное фырканье Гнедко.

Конь тревожно придал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бехавший впереди Лохматый прижался к пса. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль уvala. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало подложечкой.

— Но! Но! Пашёл! — сдавленно прошипел Лапа, наотмаш стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, несся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастый шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда веся дух несёся Гнедко.

Лапа, нахлестывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чуял, что петля таинственной опасности, но повернуть обратно не решался — посёлок уже был слишком далеко.

— Авось упрежу, — успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другую нащарила в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону — наперевес упряжке стрелой вылетела стая. Мощный главарь сходу прыгнул на шею Гнедко. Еще миг — и тот бы пал с разорванным горлом, но оголбя саднула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Человек опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок мук.

Увесистый кульк ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и разтерзали в белом облаке. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело заревел он, нещадно лупущи мерина кнутом. Обезумев от жути и боли, Гнедко несся, стреляя ошмётками снега из-под копыт.

Он обошёл умчавшегося было вперед Лохматого.

«Неухто оторвёмся?» — мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам то вспомсяясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая.

Фёдор Дементьевич ощущал это каждой

клеткой тела. Вот вожак, парализующе клацая зубами, попытался достать не послевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельный ужас прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня.

Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставил на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на

дорогу. Слухолоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», — подумал Лапа, перегибаясь. В беспощадной памяти осталася немигающий, укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбинки на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Охваченный страхом Фёдор Дементьевич, ни умолкая, иступленно вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрой, Гнедко, быстрой!», то, обернувшись назад, устрашающе тряся топором на стоя: «Порублю! Всех порублю!».

Казалось, ещё несколько секунд — и матёрый повиснет на руке, а остальные

трое станут рвать его, ещё живого, на куски...

Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём — собака? Живая тварь, кровь — вот, что нужно стае! Он ногой спихнул пса на встречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержалась. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

— Пашёл, паскуда, — срывааясь на петушиной фальцет, завилял развязившийся Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился, и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставил на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на

дорогу. Слухолоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», — подумал Лапа, перегибаясь. В беспощадной памяти осталася немигающий, укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбинки на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ёхнулся.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запаленного коня: «Добрый,

зашепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Переслава внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала на накрытом стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к тёплой печке и замер.

— Как съездил Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы-здоровы. Хоромы здоровющие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работают, — робко возразила супруга.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редкость, только свисти, — Лапа нащупал завораживающие толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток.

— Держи, — развернул он цветастый

платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

— Будя трепаться, — гробовато оборвал муж, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла нескромная улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю.

Посмоля заодно перед сном, — торопливо взорвал он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько не старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем, как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи.

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Он, напряжённо вслушиваясь в них, незаметно забылся. И опять стая донимала его, неумолимо затягивая живую птицу всё туже и туже. В голове возникла картина: погибла супружеская пара.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — тряслась за плечо жена.

Лапа затянувшись уставился на неё — не мог взять в толк, где находится — всё ешё щёк жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец, уздал дом и жену.

— Ну ты, — облегчённо выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась взволнованная супруга.

— Мясо видать переехал. Мутит. Не до варила верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, тем настойчивее лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно силили его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью он исполнял все желания хозяина.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

У крыльца из преддверственной мглы простиупило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, сплющившаяся в клочья шерсть, злобно щерившаяся на глазах.

— Лохматый! Ты?! Не может быть...

Растерявшийся Лапа невольно попятился, запнулся за порог и упал...

В голове вновь возник и стал нарастать гул смерти...

Нападение волков. Худ. П. Соколов

Лохматый

Филипп Иваныч

Сергей (Серго) АКЧУРИН
Автор рассказов, повестей, романов и очерков — криминальных и просто жизненных. Его произведения в разные годы публиковались в СССР, России, Канаде, Финляндии и в других странах. По некоторым рассказам написаны сценарии и поставлены фильмы.

Доктор, военврач Филипп Иваныч, появлялся в нашей старой московской квартире в центре всегда по выходным, зимой, может быть, ранней весной, — но обычно, насколько я помню, за окнами бывал снег, тихое и уютное время в домах. Филипп Иванычставил на пол маленький прихожей коричневый докторский саквояж, раздевался и проходил в ванную. Дверь ванной он никогда не закрывал, было видно, как он тщательно, как будто перед операцией, моет руки под медным краном, потом же тщательно причесывается, пока не наступает пауза. Тут казалось, что все боли и перспективы самые плохие. Даже я, маленький, мало что понимая в болезнях, не чувствую, что что-то не так, давил себе на живот. От недомоганий обычных переходит на недомогания общество, как это было приято в любой советской семье. Но в этих разговорах я уже совсем ничего не смыслил, не понимал многих слов. Вдруг, бурно выговорившись, все замолкали и как-то странно смотрели на Филиппа Иваныча,

как будто он был единственный в этой комнате здравомыслящий. Филипп Иваныч ещё больше краснел, потел и, наконец, нарушил тишину. Он говорил:

— А где Филипп Иваныч?
— Он уехал.
— А куда он поехал